

нима ко всякому поступку христианина, ко всякому моменту его жизни.

Но въ особенности ясна она тамъ, гдѣ долгъ служенія непосредственно вытекаетъ изъ условій самого бытія, гдѣ повелѣніе трудиться на общую пользу, какъ бы заключено въ самомъ фактѣ общественной жизни. Общество, не обслуживаемое въ своихъ нуждахъ составляющими его членами, подобно пустому полю, не обрабатываемому живущимъ на немъ земледѣльцемъ; а это есть грѣхъ, ибо все дано намъ для творческаго преображенія, для воздѣльванія и восполненія — въ мѣру утраченныхъ первообразовъ творенія, въ нашемъ уподобленіи Промыслителю о благѣ міра.

Въ этой соціальной работѣ есть своя суровая красота, свой безстрастный пафосъ, берущій свое начало въ какихъ-то особыхъ, не эмоциональныхъ корняхъ нашей религіозной жизни. Ихъ нужно въ себѣ питать и возгрѣвать. Ибо на этихъ путяхъ мы всегда стоимъ передъ соблазномъ утопізма: возомнить себя спасителями міра, прудъ послушанія подмѣнить иллюзіей творчества новой земли и новаго неба. Это узурпированіе правъ Творца (и, слѣдовательно, обоготвореніе человека) лежитъ въ основѣ георическаго социализма, сдѣлавшаго соціальныи вопросъ своей монополіей. Въ такомъ видѣ соціальное служеніе кажется и болѣе значительнымъ и болѣе легкимъ; ибо оно

свѣяно ореоломъ религіозной значимости; оно ведетъ человѣчество къ царству свободы и счастья... Преодолѣть эту ложь не такъ ужъ трудно; уроки науки и уроки жизни слишкомъ больно бьютъ по этой наивной вѣрѣ въ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Гораздо труднѣе не выплеснуть изъ ванны вмѣстѣ съ грязной водой и ребенка, и принять соціальныи вопросъ на свою отвѣтственность, не какъ «начало всѣхъ началъ», а какъ необходимую технику жизни, какъ спокойное служеніе по закону справедливости и добра; закону, который является для насъ обязательнымъ совѣтомъ не потому, что онъ удовлетворяетъ требованіямъ рабочаго класса или условіямъ экономическаго равновѣсія общества, а потому, что онъ данъ намъ Богомъ для исполненія и дѣятельнаго проведенія въ жизнь. Религіозное обоснованіе соціального вопроса и попытки его церковнаго разрѣшенія являются въ настоящее время одной изъ самыхъ важныхъ христіанскихъ задачъ, ибо здѣсь бьется сейчасъ пульсъ міровой жизни, здѣсь болѣетъ человѣчество, и пройти мимо этой раны, не обративъ на нее вниманія, значитъ уподобиться тому священнику, и тому левиту, которые «шедши той дорогою подошли, посмотрѣли и прошли мимо» (Лк. 10, 31).

Л. Зандеръ.

2-9 февраля. — финансовая кампанія Движенія во Франціи: необходимо собрать 108.060 франковъ.

Соціальная работа въ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Въ холодный и туманныи день мы сидѣли въ курительной рубкѣ трансатлан-

тическаго парохода съ молодымъ французскимъ агрономомъ. Когда на его вопросъ я отвѣтилъ, что ѣду въ Америку для изученія соціологіи, сидѣвшій напро-

тивъ американецъ, до тѣхъ поръ погруженный въ чтеніе какихъ-то бумагъ, и въ теченіе получаса не проявлявшій никакого интереса къ нашему разговору, вдругъ оживился и, быстро поднявъ голову, переспросилъ: «соціологіи?». Черезъ двѣ минуты онъ назвалъ имена тѣхъ американскихъ пассажировъ самыхъ разнообразныхъ профессій, съ которыми, по его мнѣнію, еще до высадки, мнѣ непременно нужно поговорить о практической соціальной работѣ. Онъ не только назвалъ эти имена. Онъ разыскалъ меня на палубѣ на слѣдующее утро, когда носъ парохода уже медленно поворачивался къ широкой нью-іоркской бухтѣ, въ глубинѣ которой высокими зубцами виднѣлись призрачныя очертанія небоскребовъ. Въ начавшейся суетѣ высадки, среди гудѣнья вытасенныхъ изъ каютъ на палубу чемодановъ, желтыхъ и черныхъ, одинаково заклеенныхъ рекламами почти всѣхъ европейскихъ отелей, мы говорили о соціальной работѣ церкви съ бостонскимъ пасторомъ, къ которому меня подвелъ мой вчерашній собесѣдникъ.

Такъ еще въ самомъ преддверьи Америки я опять увидѣлъ то, что приходилось часто замѣчать и раньше въ разговорахъ съ американцами: соціологія является для нихъ чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ для европейцевъ. Конечно, знакомство съ соціологіей, какъ таковой, ограничивается и тамъ кафедрами университетовъ и специальными соціологическими журналами. Какъ и въ Европѣ, многіе ученые отказываются еще видѣть въ ней научную дисциплину, и этотъ отказъ во многихъ случаяхъ бываетъ вполне оправданнымъ. Въ области соціальной философіи въ Америкѣ трудно найти что-нибудь новое по сравненію съ Европой; по сравненію же съ новѣйшими трудами германскихъ ученыхъ, соціальная философія Америки можетъ показаться устарѣвшей. Но мѣсто, занимаемое соціологіей въ общей культурной жизни Америки, совершенно не-

обычно для Европы. Интересъ къ соціальнымъ вопросамъ далеко выходитъ за предѣлы университетовъ и научныхъ обществъ. Если большинство американцевъ не-спеціалистовъ и мало знакомо съ соціологіей, какъ наукой, почти всѣ въ той или иной степени признаютъ важность самой постановки соціальныхъ проблемъ. Какъ это было въ описанномъ мною случаѣ, на пароходѣ, огромное число рядовыхъ американцевъ, если сказать имъ о научной соціологіи, проявятъ интересъ и хотя бы самое общее пониманіе того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Сама американская жизнь постоянно наталкиваетъ ихъ на соціальные вопросы. Объ этомъ постоянно напоминаютъ церкви проповѣдями о Social Gospel («соціальное евангеліе») и соціальной работой приходо-довъ. Объ этомъ же говорятъ за мѣтки даже самыхъ бульварныхъ газетъ. Почта приноситъ ежедневно воззванія о пожертвованіяхъ, кратко и сильно излагающія необходимость соціальной работы. По дорогѣ на службу объ этомъ напоминаютъ плакаты популярной лекціи о соціальныхъ вопросахъ. Время отъ времени приходятъ просьбы заполнить опросные листы какого-нибудь Social Survey. Черезъ опредѣленные промежутки времени у дверей банковъ, конторъ и театровъ стоятъ подъ большими плакатами члены Арміи Спасенія съ кружками для пожертвованій и воззваніями. Такимъ образомъ, этотъ широко распространенный интересъ въ значительной степени является результатомъ пропаганды, умѣнія воздействовать на общественное мнѣніе, достигающихъ въ Америкѣ совершенно исключительныхъ размѣровъ. Но, конечно, никакая пропаганда не могла бы достигнуть такихъ результатовъ, если бы соціальныя уклонъ не встрѣчалъ какого-то отзвука въ самомъ складѣ американской души, не былъ свойствененъ самому американскому мировоззрѣнію.

Современный ликъ Америки какъ то за-
ставляетъ забывать объ ея прошломъ. —
Нью-йоркскіе небоскребы и элеваторы,
одинаковыя свѣтло-пустынные комнаты
конторъ, гдѣ надъ всѣмъ преобладаетъ
трескъ пишущихъ машинъ, американскіе
торговые дома и тресты, сама внѣшность
современныхъ американцевъ — все это
какъ бы совсѣмъ заслоняетъ обликъ пер-
выхъ пуританъ піонеровъ въ ихъ остро-
конечныхъ черныхъ шляпахъ, которые
высаживались въ XVII в. съ кремневымъ
ружьемъ и Библией на пустынные песча-
ныя отмели Новой Англій, чтобы основать
здѣсь благочестивыя и суровыя теократи-
ческія общины. Передъ этими піонерами
стояла, какъ образецъ, женевская теокра-
тія Кальвина, прошедшая черезъ англо-
саксонскую призму ученія Джона Нокса
и пуританъ эпохи англійской революціи.
Какъ ни кажется отличнымъ этотъ міръ
піонеровъ отъ современной индустриаль-
ной Америки, пуританская культура про-
должаетъ жить въ Соединенныхъ Шта-
тахъ. Только она одна можетъ объяснить
многія явленія американской жизни.

Культурное вліяніе кальвинизма заклю-
чаетъ въ себѣ видимое противорѣчіе съ
его догматикой. Проповѣдь предопредѣле-
нія, индивидуализма и замкнутости въ лич-
ной жизни должны были, казалось бы,
привести къ фатализму. Между тѣмъ, какъ
разъ именно кальвинизмъ послужилъ им-
пульсомъ къ усиленной дѣятельности во
всѣхъ областяхъ жизни, включая и область
соціально - экономическую. Объясняется
это тѣмъ, что для кальвиниста его личное
предопредѣленіе къ спасенію явствуетъ
изъ внѣшнихъ успѣховъ его жизни: Богъ
отмѣчаетъ своихъ избранныхъ удачей и
изобиліемъ земныхъ благъ, волей къ тру-
ду, успѣшностью въ мірскихъ дѣлахъ. По-
мимо этого въ центрѣ кальвинистскаго
міровоззрѣнія стоитъ не милосердіе, не
любовь, и не всепрощеніе, а величіе и сла-
ва Божія, быть соучастниками которыхъ

предопредѣлено и избраннымъ еще въ те-
ченіе земной ихъ жизни. Долгъ вѣрующа-
го заключается въ томъ, чтобы прослав-
лять Бога своими дѣлами и всѣмъ внѣш-
нимъ устройствомъ жизни, какъ личной,
такъ и общественной. Поэтому религіоз-
ная проповѣдь Кальвина сразу вылилась
въ формы принудительнаго и обще обяза-
тельнаго соціального преобразованія—въ
основаніе женевской теократіи. То обстоя-
тельство, что Америка возникла, и разви-
валась изъ первоначальныхъ теократиче-
скихъ общинъ XVII вѣка подъ сильнымъ
вліяніемъ кальвинизма, было рѣшающимъ
для американской культуры и психологіи.
Это вліяніе распространяется далеко за
предѣлы церквей и общинъ, принадлежа-
щихъ къ кальвинизму.

Даже церкви, враждебныя кальвинизму,
подверглись его вліянію, и пуританизмъ
въ этомъ смыслѣ слова сталъ интеркон-
фессіональнымъ явленіемъ: кальвинизмъ
не столько вліялъ на догматику церквей,
сколько на культуру и психологію націи.
Это наложило особый отпечатокъ и на по-
становку и рѣшеніе соціальныхъ про-
блемъ. Религія, за очень рѣдкими исклю-
ченіями, почти невообразима для амери-
канца безъ миссіонерской и соціальной
дѣятельности — безъ внѣшняго преобра-
зованія жизни путемъ христіанизаціи со-
ціальныхъ отношеній. Такимъ образомъ
соціальный паѳосъ вытекаетъ изъ самыхъ
основъ американской религіозности.

Во многихъ отношеніяхъ религіозная
основа американской культуры уже сту-
шеввалась. Но переходъ отъ вѣры къ ра-
ціонализму не измѣнилъ основного укло-
на психологіи. Изъ всѣхъ конфессій каль-
винизмъ наиболѣе близокъ къ раціонализ-
му; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мостовъ,
по которому совершался переходъ отъ
средневѣковой религіозной культуры къ
раціоналистической культурѣ XVIII и XIX
вѣковъ. Поэтому и раціоналистическая
Америка полна тѣмъ же паѳосомъ, что и

Америка религіозна. Подъ ту же психологію подведенъ лишь другой фундаментъ — религія гуманизма и раціональнаго преображенія міра.

Другой особенностью американской психологіи является необычайный социальный оптимизмъ. Въ Америкѣ чрезвычайно сильна вѣра въ прогрессъ и во всемогущество науки. Средній, типичный американецъ глубоко вѣритъ, что все зло и всѣ несчастія жизни будутъ со временемъ устранены. Нужно только выработать соотвѣтствующій методъ и соотвѣтствующія официальные учрежденія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны тѣ коренныя разногласія, которыя неминуемо возникаютъ при встрѣчѣ американцевъ съ религіозными представителями культуръ, выросшихъ тоже на почвѣ протестантизма, но въ формѣ лютеранства, какъ, напримѣръ, на конференціи въ Стокгольмѣ или на всемірномъ съѣздѣ У.М.С.А. въ Гельсингфорсѣ. На этихъ съѣздахъ нѣмцы всегда высказываются пессимистически. Для нихъ міръ «непоправимо лежитъ во злѣ». Его учрежденія имѣютъ свои законы, не зависящіе отъ религіи. Никакое воспитаніе не искоренитъ зла, заложеннаго въ человѣкѣ съ самаго его рожденія. Война и преступленіе — неизбежныя явленія земной жизни. На фонѣ этого пессимистическаго міровоззрѣнія особенно ярко выступаетъ дѣятельный оптимизмъ англо-саксонцевъ и, въ особенности, американцевъ съ ихъ безусловной вѣрой въ прогрессъ и неограниченныя возможности человѣческой дѣятельности, съ ощущеніемъ лежащаго на всѣхъ социальнаго долга.

Этому вопросу социальной дѣятельности соотвѣтствуютъ и совершенно особыя — внутреннія и внѣшнія — условія американской жизни. Американскій геній организаціи проявляется, какъ въ области государственно-общественной, такъ и въ области частной • благотворительности.

Американцы, помогая своимъ ближнимъ, дѣлаютъ это съ той же системой и дѣловитостью, какъ и въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Въ работѣ своихъ социальныхъ учреждений они прежде всего стараются поставить ихъ на дѣловую ногу, пытаются найти новый методъ, который при минимумѣ затратъ денегъ и энергіи, достигалъ бы максимальныхъ результатовъ.

Въ Америкѣ за послѣднія десятилѣтія накопились опромныя богатства. Благодаря умѣлой пропагандѣ, значительная часть ихъ щедро раздается на социальные и научныя учрежденія. Это обстоятельство придаетъ особый характеръ и всей социальной работѣ въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ. При интересѣ американцевъ къ социальнымъ вопросамъ, учрежденія, работающія въ этой области, имѣютъ возможность собирать совершенно сказочныя для Европы суммы денегъ, что открываетъ имъ широкое поле для опытовъ и выработки новыхъ методовъ. Въ области социальной работы Америка является грандіознымъ опытнымъ полемъ. Многіе изъ произведенныхъ опытовъ возможны только въ американской обстановкѣ. Среди этой работы есть много, быть можетъ, спорнаго, но несомнѣнно и то, что многія изъ американскихъ достижений уже вписываютъ совершенно новыя страницы въ исторію социальныхъ мѣропріятій. Поэтому изученіе практическаго разрѣшенія социальныхъ проблемъ въ Америкѣ имѣетъ большое значеніе и для другихъ государствъ; оно будетъ нужно и для Россіи.

Задачей послѣдующихъ очерковъ менѣе всего является стремленіе дать исчерпывающую картину социальной политики Америки. Изъ 48 штатовъ трудно найти два, въ которыхъ социальное законодательство и социальные учрежденія были бы вполне тождественны. Федеральное законодательство только въ нѣкоторыхъ случаяхъ накладываетъ одинаковую организацію на всѣ штаты. Описаніе социаль-

ной политики, поэтому, вовлекло бы в детальное рассмотрение законодательствъ, отдѣльных штатовъ. Моей задачей так же не является ни подробное описаніе всѣхъ новыхъ методовъ соціальной работы, ни ихъ критика, ни сравненіе съ европейскими учрежденіями. Для этого понадобился бы многотомный трудъ, такъ какъ главный интересъ практическихъ со-

ціальныхъ методовъ заключается въ техническихъ подробностяхъ и деталяхъ.

Я попытаюсь дать лишь разрозненные, часто наудачу выхваченные, очерки отдѣльных учреждений и методовъ соціальной работы въ Америкѣ, стремясь передать болѣе ихъ духъ и общую структуру, нежели детальную схему организацій.

Н. А. Клепининъ.

Недѣля Труда — для гонимой Церкви, для Родины, для молодежи.

Отцы и дѣти

Наше старшее поколѣніе въ лицѣ своихъ лучшихъ людей осуществило большое и важное: возвратило русскую мысль къ православію, остановило русское интеллигентское исканіе «смысла жизни» на церковномъ идеалѣ. Въ этомъ его непрекаемая заслуга. Заслуга — «первыхъ людей на первомъ плоту», открывшихъ своимъ «жаждущимъ и воспаленнымъ» спутникамъ берегъ.

Несомнѣнно, однако, что общій языкъ между старшимъ и идущимъ ему на смѣну поколѣніемъ не найденъ. Молодые настроены скептически и холодно, — они какъ бы не цѣнятъ того, что добыто съ такимъ трудомъ старшими.

Естественны возникающія изъ этого обвиненія молодежи въ нигилизмъ — которыя, намъ кажется, все же нужно договорить и додумать до конца. Одной изъ такихъ попытокъ договорить до конца — разумѣется, весьма несовершенной, — и является настоящая замѣтка.

Русскій нигилизмъ*) имѣетъ и свое положительное основаніе. Это положитель-

ное основаніе — жажда духовная. Невозможность надолго увѣровать въ «дешевку», потому что тоска по живомъ Богѣ сжигаетъ душу. Именно поэтому русскій нигилизмъ открывается въ эпоху безрелигіозную, когда Церковь изъ центра жизни отодвигается на периферію, когда взявшіе ключъ знанія сами не входятъ и другихъ не пускаютъ, «когда все существеннымъ образомъ смѣшивается».

«Смыслъ жизни», утверждаемый въ Церкви, тѣмъ самымъ утверждается въ абсолютномъ, вѣчномъ, неизмѣняющемся. Отсюда его устойчивость, — неподверженность нигилистическимъ срывамъ. — «Смыслъ жизни», утверждаемый внѣ Церкви, тѣмъ самымъ ставится въ сугубую зависимость отъ относительнаго, временнаго, измѣняющагося. Отсюда его неустойчивость — подверженность нигилистическимъ срывамъ. — Въ этомъ метафизика нигилизма, въ этомъ, если хотите, его оправданіе.

Вышесказанное всецѣло подтверждается исторіей:

*) Слово «нигилизмъ» въ настоящей замѣткѣ употребляется въ общепринятомъ популярномъ смыслѣ — въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ представи-

тели впереди идущаго поколѣнія, когда они хотятъ заклеить имъ «нечувствіе» поколѣнія за нимъ слѣдующаго, а вовсе не какъ точный философскій терминъ.